

Индекс УДК 821.161.1.09"18"

Код ГРНТИ 17.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58

И.А. КИСЕЛЕВА*

М.Ю. Лермонтов как духовный преемник А.С. Пушкина**

Феномен А.С. Пушкина рассматривается как ценностный вектор развития художественного и личного гения М.Ю. Лермонтова. На основе анализа присутствия пушкинских реминисценций в лермонтовском творчестве делаются выводы, что творчество Пушкина стоит у истоков формирования исторических взглядов Лермонтова, стало фундаментом постижения им народности как притяжения духовно-нравственных ориентиров русской культуры, в диалоге с Пушкиным Лермонтов постигает онтологические основания человеческого существования. Усвоение пушкинского наследия происходило как на речевом, так и на ценностно-смысловом уровнях текста. От прямых заимствований, свидетельствующих о притяжении мировоззренческой позиции Пушкина как безусловно верной, Лермонтов переходит на уровень равноправного диалога, в котором пушкинское слово не только функционирует в качестве смысловой опоры, но и раскрывается в своей духовной перспективе. Творчество Пушкина стало для Лермонтова не только существующим и признанным наследием гения, но и фактом его внутреннего мира.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, пушкинские реминисценции, интертекстуальность, духовная преемственность, национальное мироощущение

Проблема сопоставления феноменов А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова далеко не нова. Уже с первых оценок Лермонтова в литературной критике Пушкин стал мерилom его художественного таланта. Белинский, говоря о Пушкине в соотношении с младшими современниками («давно одинокою стоит колоссальная тень Пушкина» [1, т. VII,

с. 470]), только Лермонтова видел его достойным преемником, называя того поэтом «нового поколения, которого талант застал и оценил Пушкин ещё при жизни своей» [1, т. VII, с. 473]. Размышляя о Пушкине, Белинский писал: «Придёт время, когда он будет в России поэтом *классическим*, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетиче-

* **Киселева Ирина Александровна** — доктор филологических наук, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения.
E-mail: irina-sever03@yandex.ru

** Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00207 «Лирика М.Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика»).

ское, но и нравственное чувство...» [1, т. VII, с. 218–219]. Но то, что Белинский помышлял в будущем, уже было явлено в настоящем: для Лермонтова с юношеских лет Пушкин стал эстетическим и нравственным мериллом. Доказательств тому множество: это и прямые высказывания Лермонтова о Пушкине, и частые цитаты и цитонны из Пушкина в его произведениях, и использование пушкинских образов, осмысление и приятие определяющих мировоззрение его идей.

Именно Пушкин как ценностный вектор Лермонтова промыслительным образом определил и начало его нового творческого периода, и жизненный перелом. Трагическая смерть Пушкина в 1837 г. открыла России Лермонтова, и «он сам ощутил себя в эту пору творческим наследником Пушкина» [2, с. 12]. В воспоминаниях В.П. Бурнашева сохранилось свидетельство диалога Лермонтова со А.А. Столыпным (Монго), вызванного попыткой последнего оправдать убийцу Пушкина: «Лермонтов сказал на это, что русский человек, конечно, чистый русский, а не офранцузенный и испорченный, какую бы обиду Пушкин ему ни сделал, съел бы её, во имя любви своей к славе России, и никогда не поднял бы на этого великого представителя всей интеллектуальности России своей руки» [3, с. 1829].

Такое отношение есть прямое свидетельство приятия Лермонтовым Пушкина как личности, ценностная парадигма которой для него безупречна и не подвержена ни критике, ни скептицизму. И именно подобное отношение Лермонтова явилось причиной того, что «Лермонтов был и учеником, и «следствием» Пушкина — следствием, которое, в свою очередь, явилось причиной новых великих литературных «следствий»» [4, с. 6]. Поскольку уже написано значительное число работ, освещающих взаимодействие художественных систем Пушкина и Лермонтова, в данной статье мы рассмотрим лишь несколько показательных, но оставшихся на периферии исследовательского интереса моментов значимости пушкинского текста для раз-

вития идей Лермонтова и становления его личности.

Представляется естественным, что мировоззренческие постулаты наиболее рельефно проступают при взгляде на исторические события: именно та или иная идейная установка определяет трактовку национальной и мировой истории, историческую концепцию. Исторические версии прямо соотносятся с убеждениями субъекта, с жизнью духа. В связи с этим наиболее очевидно духовная близость поэтов проявляется в их исторических взглядах. И особого внимания здесь заслуживает осмысление поэтами кавказского вопроса, так как именно русско-кавказское взаимодействие в 1820–1830-х гг. было предметом исторического осмысления, именно там бился нерв истории, связанный с пониманием исторической миссии России. И создавая первые кавказские поэмы, Лермонтов держал в своём уме и воображении «Кавказского пленника» (1821) Пушкина, чему свидетельство привнесённые им в поэму «Черкесы» (1828) стихи чеченских песен (стихи 36–37, 39–40) из пушкинской поэмы и собственно творческое переложение «Кавказского пленника» в одноимённое произведение.

Лермонтов пишет своего «Кавказского пленника» (1828) почти не отступая от пушкинского сюжета: поэтическое переложение лишь дополняется лирическими и драматическими элементами, определяемыми особенностями психологии и мечтаниями юного поэта, который делает «сюжет гораздо более трагическим, а стиль гораздо более эмоциональным» [5, с. 16]. Трагизм «Кавказского пленника» Лермонтова усиливается гибелью главного героя, тогда как Пушкин показывает лишь гибель влюблённой черкешенки. Сюжетное русло поэмы, связанное с мотивами плена, свободы, любви, не меняется, как не претерпевает значительной трансформации и её имперское идейное содержание, определяемое исторической необходимостью укрепления Россией своих восточных рубежей.

Ил. 1. М.Ю. Лермонтов «Черкесы».
ОР РНБ. Ф. 429 (Лермонтов). Ед. хр. 9

Лермонтов следует Пушкину не только в «Кавказском пленнике», этими же настроениями проникнута и поэма «Черкесы» (ил. 1), в рукописи которой поэт эпиграфом ставит стихи из эпилога пушкинского «Кавказского пленника», что является собой ведущую историческую идею поэмы.

*«Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ, —
— Забудет брани вещей глас,
Оставит стрелы боевые...
... И к тем скалам, где крылись вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья тёмные молвы!»* [6, т. III, с. 312]

Сам факт «припоминания» текста (на обложке тетради, в которой написаны «Черке-

сы», стоит помета «Чембар. Под дубом» [7, л. 1], это место располагалось недалеко от имения бабушки Лермонтова в Тарханах) говорит не только о хорошей памяти поэта, но и о том, что пушкинские стихи живут в его сознании, он вновь и вновь возвращается к ним, вероятно, не раз перечитанным и потому почти дословно запомнившимся, они вдохновляли его как эстетически, так и идейно-ценностно. Являющиеся выражением взглядов Пушкина на «кавказский вопрос», они становятся и основным вектором исторического мышления Лермонтова в аспекте понимания им русско-кавказских отношений.

Текст эпиграфа отличается от пушкинского оригинала: перефразированы два стиха. Вместо пушкинского «Забудет алчной брани глас» [8, т. IV, с. 114] Лермонтов пишет «Забудет брани вещей глас» [6, т. III, с. 312]. Эпитет «алчный» по отношению к брани устраняется, тем самым происходит перенос логического ударения с оценки хищнической природы воинственных действий горцев на сам факт противоборства, который посредством добавления эпитета «вещий» к старославянизму «глас» способствует появлению акцента на духовной сущности происходящих военных столкновений. Привнесённый эпитет говорит и о восхищении юного поэта смелыми горцами, и о глубине чувства трансцендентного при осмыслении истории Кавказской войны.

Возвышение Лермонтовым образа горцев сквозит и в изменении другого стиха. Пушкинское «К ущельям, где гнездились вы» [8, т. IV, с. 114] Лермонтов меняет на стих «И к тем скалам, где крылись вы» [6, т. III, с. 312], тем самым снижается градус уподобления мира горцев миру природному, но акцентируется их свободолюбивый характер: семантика скал подразумевает географическое возвышение, тогда как ущелья содержат в себе коннотацию укромного скрытого места.

Вероятно, что эти мены обусловлены вдохновенным восприятием Лермонтова Кавказских гор и юношеским поэтизи-

рованием войны как времени подвигов. Вряд ли замены были сознательными, скорее, пушкинские стихи так видоизменились интуитивно, адаптируясь к общей восторженной эмоциональности Лермонтова и по отношению к Пушкину, и по отношению к Кавказу, хотя при всём этом они показательны для уяснения особенностей мирозерцания поэта. Основную же идею эти мены не затрагивают. Во всех современных изданиях поэмы эпиграф приводится в примечаниях, текст печатается по авторизованной копии [7], что снижает смысловые интенции лермонтовского произведения, которые хотелось бы представлять читателю во всей полноте. Хотя поэма и являет собой юношескую пробу пера, не будучи поэтическим шедевром, но уже факт того, что под ней стоит имя Лермонтова, определяет её ценность, поэма является свидетельством вектора формирования его мирозерцания.

При изображении Кавказа и у Пушкина, и у Лермонтова значительное место отводится восхищению местной природой, воссозданию местного колорита, который полюбился русским не менее, чем коренным народам. Внимание поэтов, и у Лермонтова это приобретает большую интенсивность, направлено не только на «цивилизованного» свободолюбивого человека, попавшего в условия естественной жизни и ограниченного в них своими культурными представлениями, но и на мироустройство горцев и кавказскую природу. «С восторгом ваши льды я вижу, // Встречая пышную зарю, // И ваше племя я люблю...» [6, т. III, с. 192], – говорит один из героев поэмы «Измаил-Бей» (1832). Соглашаясь с Пушкиным в концепции движения русской истории, принимая его мысли об исторической неизбежности присоединения Кавказа, что проявляется во всём кавказском тексте Лермонтова, поэт при изображении частных судеб усиливает ноты трагизма и, одновременно, героики. Сильнее звучит в лермонтовском кавказском тексте и мотив смерти, которую неизбежно несёт военное противостояние и сдвиги исто-

рии, особенно остро это выражено в поэмах «Измаил-Бей» (1832), «Аул Бастунджи» (1833(34)), стихотворении «Спор» (1841) и некоторых других.

Другим нервом исторической жизни Российского государства в пушкинскую эпоху был польский вопрос, обострившийся после заключения Венского конгресса, в ходе которого образовалось Царство Польское, управляемое на основе Конституции Российским Императором. В 1830–1831 гг. недовольство антироссийских оппозиционеров вылилось в восстание, которое было подавлено Николаем I. Польские события вызвали быстрый отклик А.С. Пушкина и В.А. Жуковского, которые издают в 1831 г. небольшую брошюру «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» [9], куда вошли стихотворение Жуковского «Старая песня на новый лад», пушкинские «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Вероятно, что девятнадцатая, отнюдь не юбилейная годовщина Бородинского сражения нашла поэтический отклик у Лермонтова в «Поле Бородина» (1831) именно под влиянием этих стихотворений Жуковского и Пушкина, так как прямой рефлексии по польскому вопросу в бородинском цикле Лермонтова не просматривается.

Естественно, что для пятнадцатилетнего поэта ещё не характерны самостоятельные историософские обобщения, его концепция истории «опирается на литературную традицию» [10, с. 98], но он, пропуская исторические события через себя, пытается их прочувствовать глубоко лично, вжиться в видение участников, испытать те же чувства, что и полагает условием верного изображения действительности. Собственно, эмпатия и в творчестве зрелого Лермонтова остаётся одним из ведущих условий рождения текста и критерием истинности изображаемого.

Для «Поля Бородина» Лермонтов выбирает всё тот же четырёхстопный ямб, которым написана «Бородинская годовщина» Пушкина, а лирическим героем стихот-

ворения становится один из участников Бородинского сражения, чувства которых изображает и Пушкин. Подобно Пушкину, Лермонтов использует и приём исторической ретроспекции: пушкинское воспоминание о подавлении восстания «польского ополчения» в 1794 г. («Суворов видит плен Варшавы» [8, т. II, кн. 1, с. 275]) сменяется у Лермонтова сравнением Бородинского сражения с победами России в Русско-турецкой и Северной войнах («Что Чесма, Рымник и Полтава...» [6, т. I, с. 289]), одна из которых связана также с легендарной личностью генералиссимуса А.В. Суворова, пожалованного титулом графа Рымниковского за важнейшие триумфы в русско-турецких войнах.

И.Л. Андроников, хотя и не развил это в своих исследованиях, верно отмечал на 36-м заседании Лермонтовской комиссии: «Исторически разрешая тему “Бородино”, Лермонтов выступил продолжателем Пушкина» [11, с. 110]. Конечно, на «Бородино» (1831) (ил. 2) оказали влияние не только пушкинская «Бородинская годовщина», но его поэма «Полтава» (1829). Значимы текстовые совпадения «Бородина» и «Полтавы» при изображении картины боя, который предстаёт именно столкновением войск. Если у Пушкина войска встают «стеной живою» и «над падшим строем» встаёт «свежий строй» [8, т. V, кн. 1, с. 57], то и у Лермонтова схожие образы: «мы пойдём ломить стеною», «сверкнул за строем строй» [6, т. II, с. 81].

Созвучия можно найти и при изображении кровавой схватки. Лермонтовская натуралистическая гипербола «И ядрам пролетать мешала // Гора кровавых тел» [6, т. II, с. 82], скорее всего, восходит к пушкинским стихам «Бросая груды тел на груды, // Шары чугунные повсюду // Меж ними прыгают, разят, // Прах роют и в крови шипят» [8, т. IV, с. 58].

И пушкинскому, и лермонтовскому тексту при изображении военного столкновения присуща идея хаоса, смешения, хотя, естественно, каждый из поэтов по-своему представляет картину. Пушкин акцентиру-

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь недаромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана.
Вѣдь были жь схватки боевыя,
Да, говорятъ, еще какія!
Недаромъ поминать вся Россія
Про день Бородины!»

—

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плюхая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля....
Не будь на то Господня воля
Не отдали бь Москвы.

—

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старпки:

Ил. 2. Первая публикация стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» в журнале «Современник» (1837, № 6, с. 207–211)

ет стихийность боя как такового и показывает его через взгляд третьего лица: «Швед, русский — колет, рубит, режет. // Бой барабанный, клики, скрежет, // Гром пушек, топот, ржанье, стон, // И смерть и ад со всех сторон» [8, т. IV, с. 58]. Лермонтов заметно снижает пушкинские «интонации одической восторженности» [12, с. 181], даёт изображение с позиции очевидца, тем самым привнося личностный взгляд в изображение картины боя: «Земля тряслась — как наши груди, // Смешались в кучу кони, люди, // И залпы тысячи орудий // Слились в протяжный вой...» [6, т. II, с. 82].

Понятно, что это обусловлено и лермонтовским статусом офицера, тогда как Пушкин был человеком гражданским, и тесным общением Лермонтова с участниками Отечественной войны, со своим опекуном А.А. Столыпиным, с тарханскими крестьянами — участниками Бородинского

сражения. Конечно, стихотворения Лермонтова 1837 г., среди которых и «Бородино», нельзя назвать ученическими или подражательными; и пушкинские реминисценции в нём нисколько не принижают их эстетическую ценность. Текст «Бородина», размыкаясь в поэтически осмысляемую Пушкиным историю, становится более ёмким. Понимание этого связывает «Бородино» и с ранним стихотворением Лермонтова «Поле Бородина», где перечисление мест российской славы («Чесма, Рымник и Полтава» [6, т. I, с. 289]) также придаёт событию настоящего особую историческую масштабность, понимание истории как «времени подвигов, концентрации физических и духовных сил, самоотверженности» [13, с. 68]. В поэме «Бородино» такая прямая историческая ретроспекция отсутствует, но она даётся опосредованно через аллюзии к пушкинской «Полтаве».

Близость с «Полтавой» лермонтовского стихотворения не исчерпывается текстовыми переключками, особенностями изображения битвы и другими художественными деталями. Если неизвестный критик после выхода пушкинской «Полтавы» отмечал, что там «с начала до конца везде русская душа, русский ум, чего, кажется, не было в такой полноте ни в одной из поэм Пушкина» [14, с. 220], то это можно сказать и о «Бородине» Лермонтова, в котором поэт впервые заявил о себе как о русском национальном поэте. И эта национальность, русскость проявились как на языковом, так и на ценностно-смысловом уровнях стихотворения: стихия народного слова стала органичным выражением глубинных основ национального мироощущения, связанного с особыми духовно-нравственными приоритетами.

Мысль Пушкина о национально-историческом подвиге русского народа и его характере, который именно в «Полтаве» «раскрылся с достойной полнотой» [15, с. 33], Лермонтов развивает и представляет в обновлённом свете. Нравственная проблематика пушкинской поэмы раскрывалась, по преимуществу, в идее зависи-

мости исторической победы от духовной составляющей, так и у Лермонтова победа в Отечественной войне 1812 г. определяется онтологическими основаниями – полаганием на Божью волю, отречением от какого-либо своеволия, нравственным обликом «русских богатырей», не таящих в себе никакой личной злобы. Недаром обращение к противнику представляется таким добродушным: «постой-ка, брат мусью» [6, т. I, с. 81]. Страсти и предательство Мазепы предопределяют его трагический конец, который представляется в прямой связи с историческими событиями победы России в Северной войне. В поэме «Бородино» отдавание себя в волю Божью определяет богатырство защитников Москвы и историческое значение поля Бородина как места героической славы. Но если у Пушкина победа даётся в своей определённости («О славный час! о славный вид!» [8, т. IV, с. 59]) и включена в повествовательное пространство произведения, то у Лермонтова итог духовного преодоления и героизма выносится за пределы событийности текста. Он содержится в «до-текстовом» знании автора и читателя и раскрывается в риторическом вопросе: «— Скажи-ка, дядя, ведь не даром // Москва, спалённая пожаром, // Французу отдана?» [6, т. I, с. 80]. И развивается в эмоциональных возгласах 1-й строфы, прославляющих героизм защитников Отечества: «Ведь были ж схватки боевые, // Да, говорят, ещё какие! // Недаром помнит вся Россия // Про день Бородина!» [6, т. I, с. 80]. Собственно, эта «затекстовость» во многом определяет сам поэтический феномен Лермонтова.

Размышляя об искусстве исторической драмы, Пушкин писал: «Человек и народ — Судьба человеческая, судьба народная» [8, т. XI, с. 419]. Будучи основным предметом истории, жизнь народов проявляется и в судьбе частного человека. Реализуя свои идеи в своём художественном творчестве, Пушкин и в «Борисе Годунове», и в «Капитанской дочке», и, естественно, в других произведениях, где историческая

тема не была ведущей, утверждал, что мысли, чувствования, мироощущение частного человека являются духовной проекцией движения истории. Вероятно, что именно это имел в виду и Лермонтов, называя свой роман «Герой нашего времени» и обращаясь к читателю со словами: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление» [6, т. VI, с. 249].

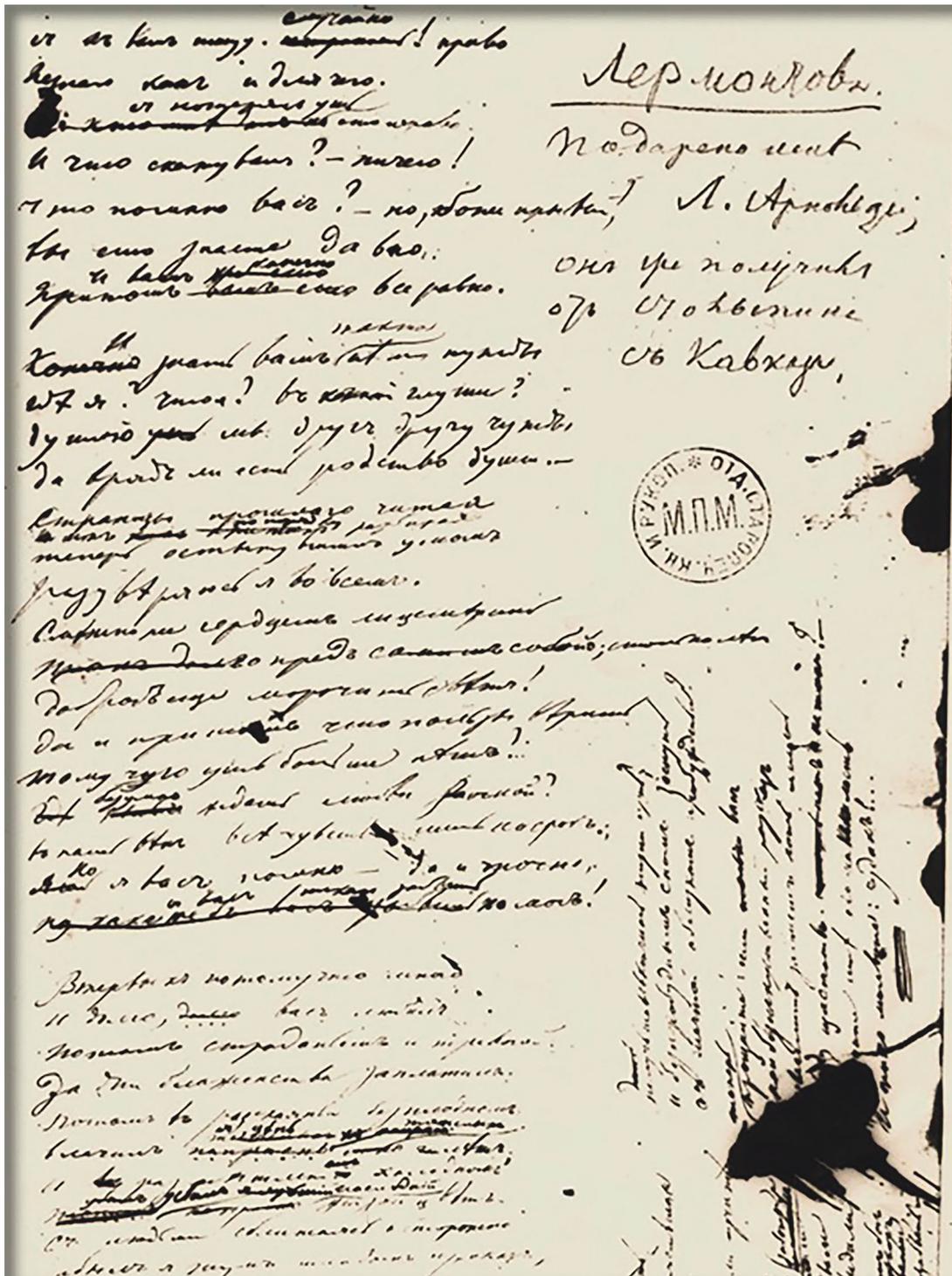
Лермонтов «апеллирует к внутреннему миру героя» [16, с. 3], тем самым развивает пушкинскую мысль в соответствии с особенностями своего гения, с характерным для него акцентированием внутренних процессов, происходящих в душе человека определённого исторического периода, и смещением внимания с события на душевное состояние участников. Дар Лермонтова, по преимуществу, лирический, и основным предметом своего изображения в «Герое нашего времени» он также делает движения души, чем и обусловлен не раз отмеченный исследователями лиризм его прозы. Однако и в своём неизбежном лиризме, связанном с остро ощущаемой субъектностью, Лермонтов опирается на Пушкина, творчество которого является для него фактом внутреннего мира, жизни души как в начале его творческого пути, так и в творческой зрелости.

Одну из самых ярких отсылок к Пушкину в позднем творчестве Лермонтова имеет стихотворение «Валерик» (1840) (ил. 3), написанное за год до гибели поэта. Современник поэта С.П. Шевырёв, хотя и подробно стихотворение не рассматривал, но прямо писал, что можно «под этими стихами подписать имя Пушкина 1820-х гг., и никто не отгадает» [17, 1843, с. 181].

Конечно, полностью согласиться с Шевырёвым нельзя, у Лермонтова свой стиль, но переключки с Пушкиным очевидны. Однако пушкинские реминисценции в «Ва-

лерике» до сих пор в отечественной науке не получили должного осмысления и, как правило, сводились к указанию связи начала стихотворения «Я к Вам пишу...» с письмом Татьяны из «Евгения Онегина» (1831), умозаключений относительно мышления и мирозерцания Лермонтова в связи с этим совпадением не делалось. Так, Б.Т. Нейман говорил лишь о том, что в стихотворении чувствуется «незначительное пушкинское влияние» [18, с. 121]. К.А. Рогова приводила совпадение в ряду характерных для Лермонтова пушкинских повторов, которые есть «свидетельства как общности, так и глубокой самобытности» [19, с. 527] Лермонтова. Б.Г. Бобылёв развивал эту тему чуть более подробно и полагал, что Лермонтов, повторяя начальные слова письма Татьяны «Я к Вам пишу» вносит «момент игры: в роли Татьяны выступает лирический герой, в роли адресата — Онегина — безответно любимая женщина» [20, с. 45]. Однако эта аллюзия представляется более серьёзной и имеющей текстовые поддержки на протяжении всего лермонтовского стихотворения.

Отмечая совпадение лермонтовского текста с началом письма Татьяны, исследователи обходили вниманием смысловые переключки с письмом Онегина, где так же, как и в «Валерике», обнажаются душевные переживания в ситуации исповеди. Рефлексия Онегина («Чего хочу? с какою целью // Открою душу вам свою?» [8, т. VI, с. 181]), связанная с перечислением причин невозможности ответить на первое искреннее чувство Татьяны («В вас искру нежности заметя, // Я ей поверить не посмел...», «Свою посылую свободу // Я потерять не захотел», «Ещё одно нас разлучило...// Несчастной жертвой Ленский пал...» [8, т. VI, с. 181]), будто бы продолжается в «Валерике» при изложении лирическим поэтом своих переживаний и дум: «Страницы прошлого читая, // Их по порядку разбирая...» [6, т. II, с. 166]. Лермонтовский лирический герой предстаёт уже не только прожившим в полной мере опыт пушкинского Онегина, но и испытавшим горечь

Ил. 3. М.Ю. Лермонтов «Я к вам пишу случайно...» («Валерик»).

Стихотворение. 1840. Черновой автограф. НИОР РГБ. Ф. 500 (Лермонтов). К. 1. Ед. хр. 4

утрат и смирившимся с посылаемыми испытаниями («Мой крест несу я без роптанья», «Я жизнь постиг», «У Бога счастья не прошу» [6, т. II, с. 166]).

Если Онегину тяжело «томиться жаждою любви», «смирять волнение в крови» [8,

т. VI, с. 181], то лирический герой Лермонтова высказывает только надежду на чувства высшего порядка, связанные с родством душ, вероятно, именно поэтому диалог с возлюбленной в «Валерике» расширяется до молитвенного предстояния Богу.

Б.Г. Бобылёв размышлял о том, что слова поэта «вы едва ли... видали, как умирают», «кончить жизни путь», «беспробудным сном заснуть», «с мечтой о близком пробуждении» [6, т. II, с. 173] «по сути, обращены не к ней <адресату письма>, а к Богу» [20, с. 52], стихотворение наполнено «реальным ощущением присутствия Бога в мире» [20, с. 52]. Хотя нельзя не отметить, что исследователь излишне умаляет значение адресата, достойного, по его мнению, лишь «галантного лёгкого тона» [20, с. 52].

Лермонтовский утверждающий вопрос «Душою мы друг другу чужды, // Да вряд ли есть родство души» [6, т. II, с. 166], являющий отчаянную констатацию невозможности родства душ, парадоксальным образом нивелируется самим жанром исповеди и отсылкой к письму Татьяны. Сам факт письма Татьяны («Я к вам пишу – чего же боле? // Что я могу ещё сказать?» [8, т. VI, с. 65]) говорит об искренности и глубине чувства, тем самым и лермонтовскому тексту априори задаются интенции признания в любви и доверия. Несмотря на приводимые доводы рассудка, лирический герой всё же пишет это письмо, сопровождаемое чувством почти невыносимой боли, облегчаемой лишь изречением страданий души.

Значима и, казалось бы, маловыразительная рифма 2 и 4 стихов «чего / ничего»; эта маловыразительность знаменательна: она акцентирует ситуацию парадокса, бессмысленности письма, на фоне которой знаменательна сама возможность его появления. Письмо, обусловленное стремлением Лермонтова соотнести «личный опыт, глубоко интимные переживания с общечеловеческим» [21, с. 97], создаётся вопреки трагическим обстоятельствам – сюжет основной части стихотворения связан с переживанием последствий кровопролитного сражения и потери товарищей – и свидетельствует о силе духа поэта и надежде на отклик родной души.

Отсылка к «Евгению Онегину» и «совмещение» в позиции лирического героя речений Татьяны и Онегина одновременно

рождают особые смыслы лермонтовского «Валерика». Пушкинский «Татьяны милый Идеал» [8, т. VI, с. 190], в котором «воплотилась пушкинская жажда веры в высший смысл бытия» [22, с. 444], явлена «способность к великой, самоотверженной любви» [22, с. 444]. В пространстве «Евгения Онегина» нервом первого и безусловно истинного чувства Татьяны стало её письмо к Онегину. Взятый Лермонтовым зачин таким образом не только определяет мироощущение автора, но задаёт читателю, на осознанном им или неосознаваемом в полной мере уровне, предчувствие в «Валерике» разговора о самом главном – о том, что жизнь человека не просто не кончается на земле, но его судьба на земле определяется через отношения с теми, кто встречается ему на жизненном пути. Идея утверждения вечной жизни в «Валерике», с одной стороны, нивелируется риторическим вопросом: «В самозабвеньи // Не лучше ль кончить жизни путь? // И беспробудным сном заснуть // С мечтой о близком пробуждении?» [6, т. II, с. 173], с другой – утверждается потребностью в «родной душе» и ощущением себя как части «мы», человечества в целом.

Философское размышление лирического героя о человеческой разобщённости: «Я думал: жалкий человек. // Чего он хочет!.. небо ясно, // Под небом места много всем, // Но беспрестанно и напрасно // Один враждует он – зачем...» [6, т. II, с. 172] связано не только с размышлениями о военных противостояниях, но имеет параллели и в жизни частного человека, который, «с людьми сближаясь осторожно» [6, т. II, с. 167], тоже способен на ошибки, от которых страдал Евгений Онегин, «чужой для всех, ничем не связан» [8, т. VI, с. 180]. Волнительный тон «Валерика» и при обращении лирического героя к возлюбленной, и в передаче горечи утраты боевых товарищей акцентирует важнейшую составляющую «смысла бытия», связанную не только с поиском здесь, на земле «родной души», но и с пониманием связи всех,

важности единого «мы» в самоопределении к вечности. Оттого так значима в «Валерике» местоименная организация, постоянные акцентированные переходы от «я» к «мы», что идея текста сосредоточена на братстве людей, на преодолении разобщённости: поэт осознаёт и то, что в предстоянии перед Богом он один в своей личной ответственности, и то, что именно сосуществование человека как части общности, в его диалоге с Другим определяет и его личную судьбу в онтологическом измерении.

Смысл земной жизни поэту открывается не просто в самоопределении в вечности, но и в том, что это самоопределение начинается на земле, в человеческом взаимодействии. Начиная текст с голоса Татьяны, который потом растворяется в голосе Онегина, Лермонтов привносит в своё стихотворение как свой личный опыт, так и созвучный ему духовный опыт пушкинского романа, в котором представлена судьба героя, «от духа, сердца и разума которого зависят пути России» [22, с. 466].

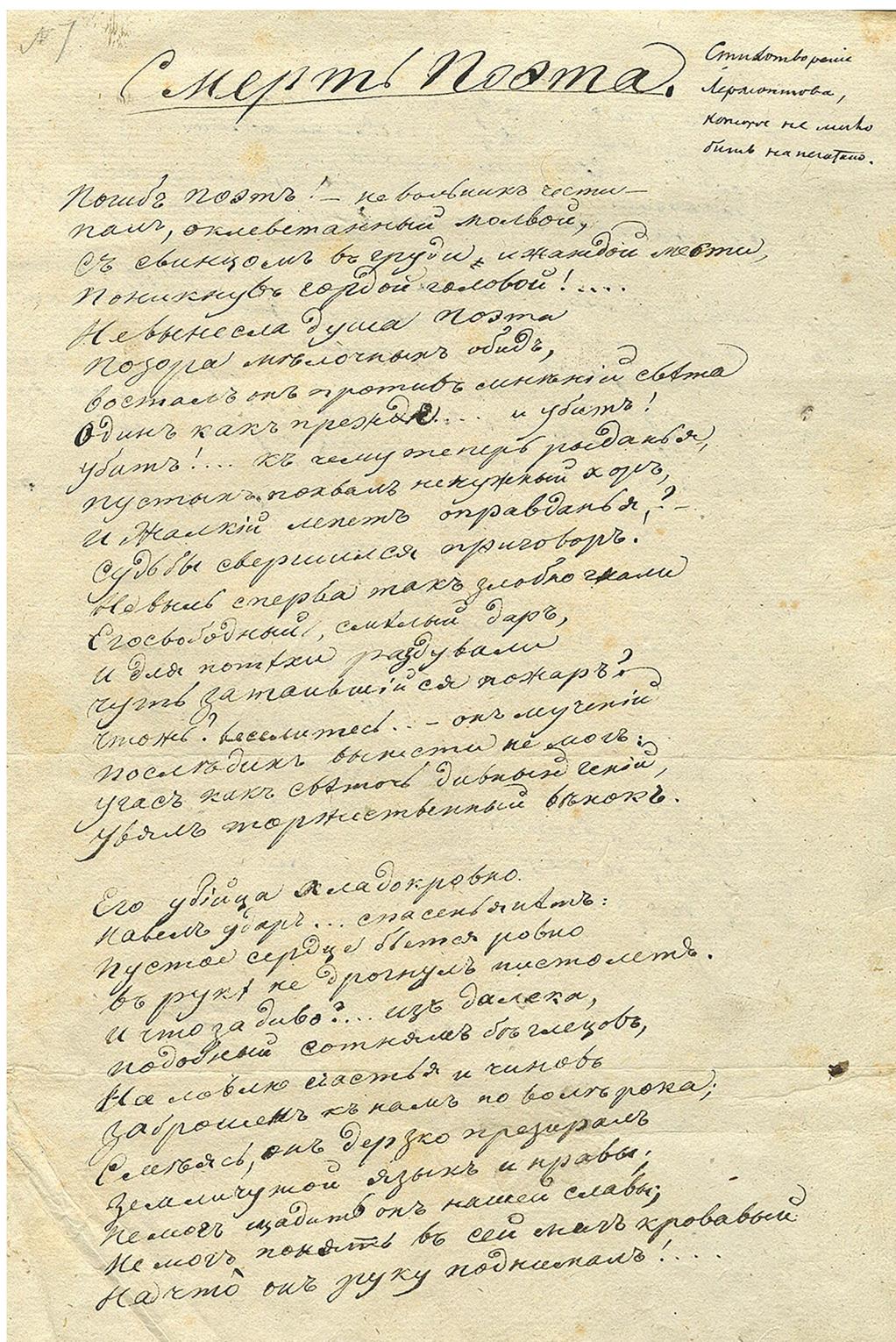
Коснувшись в «Евгении Онегине» судьбы русского человека как судьбы России, Пушкин поставил проблему «всемирно-исторического масштаба» [22, с. 457], и Лермонтов эту проблему также осмысляет, обновляя и привнося свой личный эмпирический и свой духовный опыт в её представление. Лермонтов воспринимает пушкинское слово именно как живое слово, с которым можно взаимодействовать и в котором можно обретать опору для постижения бытийственных смыслов.

И ситуация с пушкинским текстом в «Валерике» — это частный случай общей ситуации. Пушкинские реминисценции и аллюзии к пушкинскому тексту значимы для понимания Лермонтова и значимы для самого Лермонтова. Как верно отмечал А.Ф. Фёдоров: «Чем более зрелой становится поэзия Лермонтова, тем более мотивированными в стилистическом отношении становятся его реминисценции из Пушкина» [23, с. 110]. А.Ф. Фёдоров такие реминисценции называет «внутрен-

ними эпиграфами», которые нужны «для полноты воплощения собственного замысла» и которые настроены «на узнавание источника, откуда они взяты» [23, с. 111].

Предметом исследовательского интереса ещё могут стать, например, переключки стихотворения Лермонтова «Опять народные витии» (1835) и пушкинского «Клеветникам России» (1831), «Цветка» (1828) Пушкина и «Ветки Палестины» (1837) Лермонтова, наконец, «Героя нашего времени» (1839) и, например, «Повестей Белкина» (1831). Особое место в аспекте не только творческой, но именно духовной преемственности составляет и тема пророческого служения, реализованная в стихотворениях «Поэт» (1827), «Пророк» (1827), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830) Пушкина, в лермонтовских «Пускай поэта обвиняет...» (1830), «Песнь барда» (1830), «Смерть поэта» (1837) (ил. 4), «Поэт» (1838), «Пророк» (1841). Не раз рассмотренная в литературоведении, эта тема также не исчерпана, так как лермонтовский текст не просто перекликается с пушкинским, но является его «и опытом интерпретации, и опытом развёртывания неочевидных, однако вполне реальных смыслов» [24, с. 123], что само по себе подразумевает безграничное углубление понимания феноменов Пушкина и Лермонтова.

Конечно, интертекстуальность художественного произведения — явление, характерное не только для Лермонтова, но составляет природную черту самого феномена литературы, однако особенности проявления этой диалогичности у поэта вполне оригинальны и составляют примету его стиля и образ его мышления. Пушкинский текст для Лермонтова является прецедентным как в силу его эстетической привлекательности для поэта, так и, прежде всего, в силу его притяжения Пушкина в его лично-ценностной парадигме и полноте доверия ему. И если присутствие «чужого» текста, в частности пушкинского, для раннего творчества можно объяснить ученичеством и подражательностью юного поэта, то в творчестве зрелого Лермонтова пуш-

Ил. 4. «Смерть поэта». Стихотворение. 1837.

Беловой автограф с небольшими поправками. ОР РНБ. Ф. 429 (Лермонтов). Ед. хр. 8

кинский подтекст уже однозначно исполнен глубочайшего смысла и связан с его осмыслением и глубоким пониманием в Пушкине того, что нам предстоит ещё осмыслить.

Поэт проносит память о пушкинских стихах его романтического периода до своей творческой зрелости, таким образом демонстрируя важность для него Пушки-

на как духовно-нравственного ориентира на протяжении всей жизни, что не мешает, а помогает ему проявлять свою художественную и личностную самобытность. Пушкин во многом стал основанием того столпа, на котором утвердился гений Лермонтова в идейной и нравственной содер-

жательности своего творчества. И, вероятно, интенсивность духовного развития Лермонтова определялась не только особенностями его психологического типа и насыщенностью событиями его короткой жизни, но и его духовной встречей с Пушкиным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
2. Гулин А.В. Небесный ангел Михаила Лермонтова (духовный опыт как творческая категория) // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1. С. 6–35. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35.
3. Воспоминания В.П. Бурнашева по его ежедневнику в период времени с 15 сентября 1836 по 6 марта 1837 // Русский Архив. 1872 г. № 9. С. 1770–1850.
4. Благой Д.Д. Лермонтов и Пушкин: проблема историко-литературной преемственности // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 356–421.
5. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л.: АН СССР, 1961.
6. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.
7. Лермонтов М.Ю. Черкесы. ОР РНБ, Ф. 429 (Лермонтов). Ед. хр. 9.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
9. На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. Санкт-Петербург, печатано в Военной типографии, 1831.
10. Киселева И.А., Поташова К.А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М.Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242.
11. Андроников И.Л. Сообщение. Протокол 36 заседания Лермонтовской комиссии. 9 января 1941 г. // Материалы Лермонтовской комиссии Института русской литературы (Пушкинского Дома) (1938–1941) // Лермонтоведческий сборник. Вып. 1 / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н.С. Беляев; Науч. ред. Г.В. Бахарева; БАН. СПб.: БАН, 2014. С. 38–121.
12. Поташова К.А. Батальная поэтика М.Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 2. С. 176–195. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183.
13. Киселева И.А., Поташова К.А., Ермакова А.С. Смысловая наполненность понятия «история» в художественном мире М.Ю. Лермонтова // Русская речь. 2022. № 4. С. 63–74. DOI: 10.31857/S013161170021744-7.
14. «Полтава», поэма Александра Пушкина // Московский телеграф. 1829. № 8. С. 219–236.
15. Троицкий В.С. Поэзия А.С. Пушкина последнего десятилетия жизни как выражение национального самосознания // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 1. С. 16–61. DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-1-16-61.
16. Москвин Г.В. Психологизм прозы Лермонтова. К вопросу чтения и изучения романа «Герой нашего времени» // Литература в школе. 2019. № 5. С. 2–6.
17. Шевырёв С.П. Критический перечень русской литературы 1843 года // Москвитянин. 1843. Ч. 2. № 3. С. 175–194.
18. Нейман Б.В. Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. Киев: тип. Ун-та св. Владимира, печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1914.
19. Рогова К.А. Лермонтов и Пушкин: поэтические тексты с началом «Я к вам пишу» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2016. № 1 (7). С. 519–530.

20. Бобылёв Б.Г. «У Бога счастья не прошу»: филологический анализ стихотворения М.Ю. Лермонтова «Валерик» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 6. С. 44–54. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-44-54.
21. Юхнова И.С. Мистериальное в драматургии М.Ю. Лермонтова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2021. № 4. С. 95–106. DOI: 10.26170/2306-7462_2021_04_06.
22. Непомнящий В.С. «Евгений Онегин» как «проблемный роман» // Непомнящий В.С. Собрание трудов: В 5 т. М.: ИЦ МГИК, 2019. Т. III. С. 426–468.
23. Фёдоров А.В. Лермонтов и литература его времени. Л.: Художественная литература; Ленингр. отд-ние, 1967.
24. Киселева И.А. «Пророк» (1826) А.С. Пушкина и «Пророк» (1841) М.Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762.

Mikhail Lermontov as Alexander Pushkin's Spiritual Successor

Irina Aleksandrovna Kiseleva – Doctor of Philological Sciences (PhD); Head of the Russian and Foreign Literature Department of Federal State University of Education.
E-mail: irina-sever03@yandex.ru

This article considers the phenomenon of Alexander Pushkin to be a value vector for the development of Lermontov's artistic and personal genius. Following an examination of reminiscences of Pushkin's works in Lermontov's bibliography, the author concludes that Pushkin's legacy was at the root of the formation of Lermontov's historical views and served as the foundation for his understanding of nationality as acceptance of the spiritual and moral guidelines of Russian culture. It is in his dialog with Pushkin that Lermontov comprehends the ontological underpinnings of human existence. Pushkin's heritage manifests itself both at the speech and value-semantic levels of the text. Lermontov progresses from direct borrowings, which indicate acceptance of Pushkin's worldview as unquestionably true, to peer-to-peer dialog, in which Pushkin's discourse not only serves as semantic support, but also unfolds its spiritual perspective. Lermontov sees Pushkin's writings as both an existent and recognized legacy of a genius and an insight into his inner life.

Keywords: M.Yu. Lermontov, reminiscences of Pushkin, intertextuality, spiritual continuity, national worldview

REFERENCES

1. Belinskii V.G. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953–1959 (in Russian).
2. Gulin A.V. Nebesnyi angel Mikhaila Lermontova (dukhovnyi opyt kak tvorcheskaya kategoriya) // Dva veka russkoi klassiki. 2023. Т. 5. № 1. С. 6–35. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-51-6-35 (in Russian).
3. Vospominaniya V.P. Burnasheva po ego ezhednevniku v period vremeni s 15 sentyabrya 1836 po 6 marta 1837 // Russkii Arkhiv. 1872 g. № 9. С. 1770–1850 (in Russian).
4. Blagoi D.D. Lermontov i Pushkin: problema istoriko-literaturnoi preemstvennosti // Zhizn' i tvorchestvo M.Yu. Lermontova: Issledovaniya i materialy: Sbornik pervyi. M.: OGIZ; Gos. izd-vo khudozh. lit., 1941. С. 356–421 (in Russian).

5. Eikhenbaum B.M. Stat'i o Lermontove. M.; L.: AN SSSR, 1961 (in Russian).
6. Lermontov M.Yu. Sochineniya: V 6 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1954–1957 (in Russian).
7. Lermontov M.Yu. Cherkesy. OR RNB, F. 429 (Lermontov). Ed. khr. 9 (in Russian).
8. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959 (in Russian).
9. Na vzyatie Varshavy. Tri stikhotvoreniya V. Zhukovskogo i A. Pushkina. Sankt-Peterburg, pechatano v VoЕННОй tipografii, 1831 (in Russian).
10. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Istoki i obraznoe voploshchenie imperskogo soznaniya M.Yu. Lermontova // Problemy istoricheskoi poetiki. 2022. T. 20. № 3. S. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242 (in Russian).
11. Andronikov I.L. Soobshchenie. Protokol 36 zasedaniya Lermontovskoi komissii. 9 yanvarya 1941 g. // Materialy Lermontovskoi komissii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) (1938–1941) // Lermontovedcheskii sbornik. Vyp. 1 / Sost., avt. vstup. st. i primech. N.S. Belyaev; Nauch. red. G.V. Bakhareva; BAN. SPb.: BAN, 2014. S. 38–121 (in Russian).
12. Potashova K.A. Batal'naya poetika M.Yu. Lermontova // Problemy istoricheskoi poetiki. 2023. T. 21. № 2. S. 176–195. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183 (in Russian).
13. Kiseleva I.A., Potashova K.A., Ermakova A.S. Smyslovaya napolnennost' ponyatiya «istoriya» v khudozhestvennom mire M.Yu. Lermontova // Russkaya rech'. 2022. № 4. S. 63–74. DOI: 10.31857/S013161170021744-7 (in Russian).
14. «Poltava», poema Aleksandra Pushkina // Moskovskii telegraf. 1829. № 8. S. 219–236 (in Russian).
15. Troitskii V.S. Poeziya A.S. Pushkina poslednego desyatiletiya zhizni kak vyrazhenie natsional'nogo samosoznaniya // Dva veka russkoi klassiki. 2020. T. 2. № 1. S. 16–61. DOI: 10.22455/26867494-2020-2-1-16-61 (in Russian).
16. Moskvina G.V. Psikhologizm prozy Lermontova. K voprosu chteniya i izucheniya romana «Geroi nashego vremeni» // Literatura v shkole. 2019. № 5. S. 2–6 (in Russian).
17. Shevryov S.P. Kriticheskii perechen' russkoi literatury 1843 goda // Moskvityanin. 1843. Ch. 2. № 3. S. 175–194 (in Russian).
18. Neiman B.V. Vliyanie Pushkina v tvorchestve Lermontova. Kiev: tip. Un-ta sv. Vladimira, pech. i izd. dela N.T. Korchak-Novitskogo, 1914 (in Russian).
19. Rogova K.A. Lermontov i Pushkin: poeticheskie teksty s nachalom «Ya k vam pishu» // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. 2016. № 1 (7). S. 519–530 (in Russian).
20. Bobyl'ov B.G. «U Boga schast'ya ne proshu»: filologicheskii analiz stikhotvoreniya M.Yu. Lermontova «Valerik» // Russkii yazyk v shkole. 2021. T. 82. № 6. S. 44–54. DOI: 10.30515/01316141-2021-82-6-44-54 (in Russian).
21. Yukhnova I.S. Misterial'noe v dramaturgii M.Yu. Lermontova // Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem. 2021. № 4. S. 95–106. DOI: 10.26170/2306-7462_2021_04_06 (in Russian).
22. Nepomnyashchii V.S. «Evgenii Onegin» kak «problemnyi roman» // Nepomnyashchii V.S. Sobranie trudov: V 5 t. M.: ITS MGIK, 2019. T. III. S. 426–468 (in Russian).
23. Fyodorov A.V. Lermontov i literatura ego vremeni. L.: Khudozhestvennaya literatura; Leningr. otd-nie, 1967 (in Russian).
24. Kiseleva I.A. «Prorok» (1826) A.S. Pushkina i «Prorok» (1841) M.Yu. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa // Problemy istoricheskoi poetiki. 2020. T. 18. № 1. S. 111–129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762 (in Russian).